

тех святых великими молитвами пособи богъ князю Александру; а Немци ту падоша, а Чюдь даша плеща; и, гоняче, биша их на 7-ми версть по леду <...> и паде Чюди бещисла, а Немець 400, а 50 руками яша и приведоша в Новгород».

1243 год — В августе умирает новгородский посадник Степан Твердиславич, сподвижник князя Александра, занимавший посадничью степень почти 13 лет. Его заслуги перед городом были столь велики, что новгородцы решаются на беспрецедентные почести — Степан Твердиславич был погребен в Мартирьевской паперти Софийского собора.

1244 год — Еще одна смерть настигает Александра — в лучший мир отправляется его мать, принявшая перед смертью монашеское имя Ефросинья. Ее похоронили рядом с умершим в юном возрасте сыном Федором в Георгиевском соборе Юрьева монастыря.

1245 год — «Воеваша Литва около Торжку и Бежици; и гнашася по них новоторжци съ княземъ Ярославомъ Володимиричем и бишася с ними; и отьяша у новоторжцев кони, и самех биша, и поидоша с полономъ проче...»

«Александр Невский — rex novogardi»

еятельность известного новгородского князя Александра до сих пор вызывает противоречивые оценки историков. Нам еще предстоит оценить его политику в отношениях Новгорода и монголов, а пока познакомимся с некоторыми современными мнениями о событиях 1240-х годов.

Знаменитые сражения на Неве и Чудском озере долгое время считались в отечественной историографии окончательным ударом по планам «натиска на Восток», которым управляли идеологи «латинской» агрессии на православную Русь. Справедливость такой оценки в последнее время поставлена под сомнение и российскими и западными историками, не находящими очевидных свидетельств координации в действиях шведов и немцев. Скорее можно говорить о пограничных конфликтах на территориях, которые находились в даннических отношениях с Тевтонским орденом, шведским королевством и Новгородом. Что точно удалось князю Александру — надолго установились границы земельных предпочтений между Новгородом и его западными соседями, закрепленные мирными договорами 1253, 1256 и 1262 годов.

Моральная оценка действий «Запада» в отношении обескровленной монгольским нашествием Руси наиболее четко была сформулирована немецким историком Эдуардом Винтером. Он пишет,

что походами 1240 и 1242 года западные соседи «отблагодарили» Русь «за ее безмерную жертву, принесенную в защиту западного мира, безрассудным использованием татарского бедствия для завоевания Северо-Западной Руси».

Армия немецких рыцарей в полном вооружении, XIII в.
Шкатулка из кафедрального собора в Дакхене (Германия)

Помимо военных акций Римская курия настойчиво предлагала новгородскому, а затем владимирскому князю Александру признать «своей матерью Церковь Римскую». Дело зашло так далеко, что в сентябре 1248 года из Рима пришло послание, в котором папа Иннокентий IV предлагал князю Александру новый титул — «*Illustris Rex Novogardi*» («светлейший король Новгорода»). Но Александр Ярославич отклонил предложение Римской курии, а прибывшим от папы посланникам заявил: «...а от вас учения не приемляем». Раздосадованный на несговорчивого князя Иннокентий IV выждал паузу, а 9 мая 1254 года в очередной раз призвал к крестовому походу против татар и их союзников, к которым оказались причислены и русские князья.

ГОДЫ 1246–1252

Наша летопись:

1246 год — Князья Александр и Андрей Ярославичи были отправлены Батыем в Монголию, где они находились до

1250 года: «Тако бо рече ему цесарь: “Мне покори́л бог вси языки; ты ли един не хо́щещи мне покори́тися, ни силе моеи; но аще хо́щещи соблюсти свою землю, то прииде ко мне и узриши цeсть царства моего”».

1249 год — «Преставися архиепископ новгородчкыи Спиридон, и положен бысть честно у святеи Софеи».

1250 год — «Прииха князь Александр из Орды, и бысть радость велика в Новгороде».

1251 год — «Прииха митрополит Кирил в Новгород и епископ ростовьскыи <...> поставиша архиепископа новгородчкого Далмата. Тогда же прииде Неврюи на Суздалкую землю, на князя Андрея; и бежа князь Андрей Ярославич за море в Свиискую землю, и убиша и. Того же лета наидоша дождеве велице и сняша вси рли и обилья и сена, и великыи мост снесе на Волхове; и на осень би мороз обилье, но останок избысть».

1252 год — «Погоре Славно от святого Ильи и до Нутной улице».

«Тонкое дело» Александра и Новгород

ормальной датой создания Золотой Орды считается 1243 год, когда Батый начинает организовывать систему сбора дани с подчиненных монголами территорий Руси и присваивает себе право утверждать великого князя. Первый ярлык на киевский и владимирский столы получил князь Ярослав Всеволодович, вот только владел он им недолго — 30 сентября 1246 года его отравили в Орде.

Батый недолго колебался перед очередным выбором — известный своими победами над западными врагами новгородский князь Александр вместе с братом Андреем были призваны сначала в ставку Батыя — Сарай, откуда в 1248 году они отправились в далекое путешествие в Монголию. Там им предстояло провести около года в Каракоруме — столице монгольского царства, основанной еще Чингисханом.

За время долгого путешествия в Центральную Азию новгородский князь Александр имел возможность не только расширить свои географические представления, но и получить полное представление о мощи и размерах монгольской империи, созданной за 30 лет непрерывных войн на бескрайних просторах Евразии.

По возвращению на Русь Александр получил из рук хана великокняжеский ярлык. Расчет Батыя был незатейлив — отличавшийся рассудительностью русский князь, познавший истинные

масштабы государства монголов, вряд ли станет конфликтовать с непобедимым врагом. Зато его правление от имени ордынского хана будет иметь нужный авторитет и гарантирует исправную уплату дани.

Чтобы занять владимирский стол Александру пришлось вступить в схватку с братом Андреем и привести на Русь монгольскую «Неврюеву рать». Андрей был разбит и сбежал в Швецию. Именно с этого расчетливого предательства Александром брата в интересах удержания власти некоторые историки начинают отсчет «татарского ига» на Руси.

Различие в действиях Александра на Западе, где он успешно громил «крестоносных» братьев, и на Востоке, где от него принимали знаки покорности Орде, неизбежно наводят на размышления о дальновидности и прагматичности Александра, не видевшего близкой перспективы сопротивления монголам. Он явно стремился к сохранению установившегося в 1250-х годах порядка, когда управление русскими землями, благодаря монгольскому нашествию, оказалось сосредоточено в руках киевско-владимирского великого князя. Ведь монголы не вмешивались в политическое устройство Руси — они лишь поставили его под свой контроль. При этом в орбите управления Александра оставался и непокоренный Новгород; даже здесь князь сумел значительно потеснить завоевания новгородцев в их политической независимости и самоуправлении.

По мнению В. А. Янина, после вокняжения Александра во Владимире он сумел окончательно добиться от новгородцев признания власти великого князя как единственного легитимного суверена Новгорода. Попытавшись вернуться к прежнему принципу «вольности в князьях» и изгнав в 1255 году сына Александра Василия, новгородцы навлекли на себя гнев «грозного» князя и вскоре увидели под стенами города его дружины. Вечерняя дискуссия между «меньшими» людьми, представлявшими торговоремесленное население города, и «вятшими» боярами закончилась смещением посадника Онания и утверждением новгородского стола за Александром, отныне правившего городом без наместника.

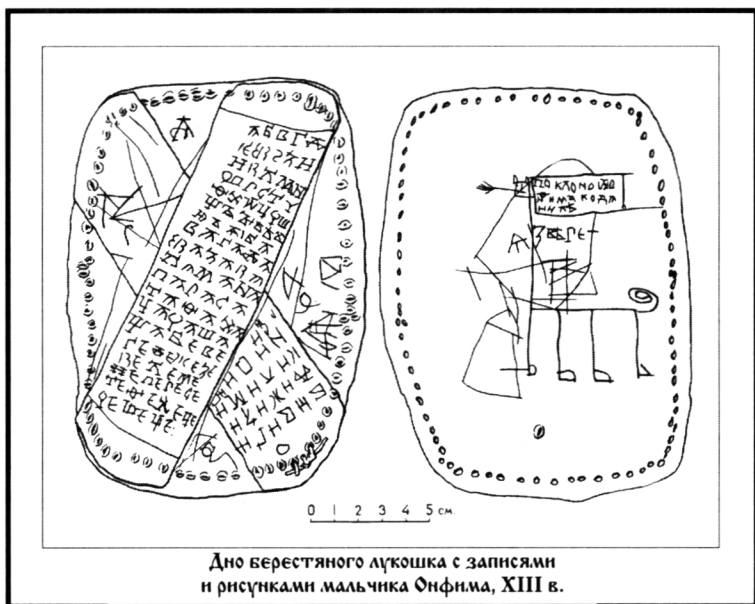
«Онфим — ученик и зверь»

купость летописных записей 1240-х годов о жизни в Новгороде в некоторой мере компенсируется ценнейшими находками археологов в Неревском конце. Здесь в слоях середины XIII века был найден целый ворох берестяных «листочков», испещренных письменами и рисунками.

Всего за два дня — 13 и 14 июля 1956 года — в руки ученых попали 17 берестяных свитков, сохранивших записи маленького мальчика, учившего грамоту 700 лет назад!

Первой находкой стало дно берестяного лукошка, исписанное с одной стороны буквами в алфавитном порядке и слогами: «ба, ва, га, да...». На обороте мальчишеская рука изобразила «статного» коня с флаговым полотнищем, на котором читалось: «Поклон от Онфима ко Даниле». Автограф юного «писарчука» встретился еще не раз среди других берестяных черновиков: пробных записей молитв, имитации долговых расписок и... рисунков, рисунков, рисунков... Сидевший на замощенном новгородском дворе маленький новгородец быстро уставал от букв и упражнений и мечтал о будущих подвигах на полях брани. Чаше других повторяется сюжет вооруженного всадника, разящего поверженного врага. Может быть, его часто отвлекали от уроков проезжавшие за частоколом всадники, бряцавшие кольчужными доспехами и спешившие сообщить новгородцам о своих успехах в битвах под стягом князя Александра.

В дополнение к рисунку на грамоте № 199 Онфимка изобразил диковинное существо с торчащими ушами и высунутым языком, похожим на оперение стрелы. Подпись гласит — «я зверь». Что

он хотел сказать подобным рисунком — можно лишь догадываться. Может быть, мальчишке мерещились фантастические существа в полумраке избы, освещенной лучиной. А может быть, живя в мире непрерывных войн и смертей мужской родни от мечей и стрел, он уже в детстве выстрадал и познал жестокую правду: чтобы выжить самому и защитить родной город нужно иметь в сердце зверя, страшного и беспощадного к врагам Новгорода.

ГОДЫ 1253–1259

Наша летопись:

1253 год — Литовцы напали на южные земли Новгорода и захватили много пленников. Князь Василий Александрович с новгородцами нагнал их у Торопца и разбил, вернув пленников домой.

«В то же лето приидоша Немце под Псков и пожгоша посад». Ответный поход новгородцев и псковичей заставил немцев просить мира «на всеи воле новгородской и псковской; и тако умиришася».

1254 год — Редкий год, обошедшийся без вражеских набегов. «Добро бяше христианом», — записал летописец.

1255 год — Новгородцы посадили на своем столе князя Ярослава Ярославича, брата Александра Невского, изгнав малолетнего Василия Александровича. Ответный ход князя нам уже известен — приведенное им войско три дня стояло в полном вооружении под Новгородом, пока бояре и «меньшие» люди договаривались об уступках князю. «И седе Александр на своем столе».

1256 год — На реке Нарове появились «Свья и Емь и Сумь» — шведские войска в сопровождении финских данников — и «начаша чинити город». Князь Александр зимой организовал ответный поход в земли Еми через Копорье и нанес им жестокое поражение.

1257 год — «Прииде весть из Русе зла, яко хотят Татары тамгы и десятины на Новегороде; и смутишася людие чрес все лето».

1258 год — «Того же лета взяша Татарове всю землю Литовьскую, а самых избиша».

1259 год — Зимой в Новгород приехали татарские баскаки — «оканнии сыроядци Берка и Касачик и с женами своими, и иных много; и бысть мятеж велик в Новегороде, и по волости много зла учиниша, беруще туску оканным».

«Татарское число»

1250-м годам монгольская империя все больше превращалась из военного лагеря в экономический организм. Закончив перепись народов Китая и Ирана, император монголов Мункэ, как сообщают китайские хроники, повелел своему чиновнику Бецик-Берке пересчитать население Руси.

Тем времен перемены назревали и в Золотой Орде, накрывшей своей зловещей тенью русские княжества. В 1255 году умер хан Батый, а его сын Сартак был вскоре умерщвлен. Новый хан Берке ввел на Руси с 1257 года общую для покоренных земель систему обложения данью. В ее основе лежали исконные русские единицы обложения «соха» и «рало», к которым добавилась ямская (почтово-ездовая) повинность. На русских князьях была возложена обязанность служить хану своими полками. Для вящего контроля внутри княжеских земель были созданы вооруженные отряды под началом ханских баскаков. Главный или «великий» баскак находился во Владимире, осуществляя надзор за самим великим князем Руси.

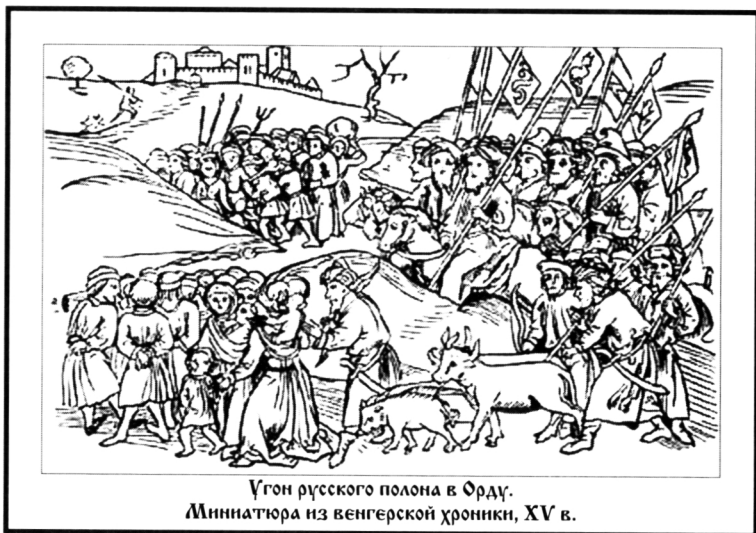
Особое отношение монголы проявили по отношению к православной церкви. И черное духовенство, и приходские священнослужители вместе с окружавшим их клиром освобождались от даней и поборов специальными ярлыками — ханскими жалованными грамотами. Оскорбление церковнослужителей каралось смертью. Историк В. Пашуто в своем исследовании биографии Александра Невского по этому поводу написал: «Отныне церковные иерархи были в ризе, как в броне».

Следующим шагом Орды стало требование «числа» от Новгорода и Пскова. Первым было выставлено требование «тамги» — торговой пошлины (отсюда пошло и слово «таможня»). Кроме этого, хан требовал десятой части от всех городских доходов.

Узнав об ордынских намерениях, новгородцы начали митинговать и делиться на сторонников и противников переписи. Первый наезд татарских послов закончился мирно: получив дары и заверения в мире, они отправились в Орду, возложив на могучие плечи князя Александра перепись городского населения. По городу понеслись слухи, что грозный князь силой вынудит принять «число», а тем, кто противится, князь «овому носа урезозша, а иному очи выимаша».

В ход были пущены лживые слухи о том, что на Низовской земле уже появилась монгольская рать. Наконец, в 1259 году в городе появились татарские переписчики Бецик-Берке и Касачик, вставшие со своим станом на Городище. Едва они начали свою работу, как в городе с новой силой вспыхнул мятеж.

Александр приказал лично посаднику и его боярскому окружению охранять татарских «численников». Лишь после демонстративного отъезда князя с татарами горожане опомнились и во избежание нового нашествия согласились на перепись.

После этого «почаша ездити окаянные по улицам, пишуче домы». Татарская перепись стала серьезным экзаменом для новгородцев, сумевших сохранить город от разорения. Впрочем, последствия «татарского числа» даже привели к некоторому улучшению городского хозяйства: упорядочилось уличное мощение, стали появляться первые общегородские дренажные системы. Видимо, налоговая система, внедренная ордынцами с учетом опыта Китая и других стран Востока, способствовала системной оценке и использованию экономических возможностей горожан и их уличанских общин.

ГОДЫ 1260–1266

Наша летопись:

1260 год — «Бысть тишина все лето».

1261 год — «Архиепископ новгородчкыи владыка Далмат поби святую Софию всю свинцом, и даи ему Бог спасаная молитва, отпущение грехов. Того же лета, на память святого Михаила сбор, месяца ноября в 8, сторе церковь свя-

того Василья, а дворов добрых 30; а на завтре на Славкове улице сгоре церковь святыйи Дмитрии, а домов добрых 50». 1262 год — «Срубиша новгородци город нов; а с Литвою мир взяша. Того же лета сгоре от грома церковь святых мученик Бориса и Глеба: добра бо бяше и лепа... Тогда же поиде Александр в Татары, и удержа его Берка, не пуска и в Русь; и зимова в Татарех, и разболеся, и бысть в недуже крепци велми нездрав».

1263 год — «Прииде князь Александр из Орды велми нездравя, в осенине, и прииде на Городец, и пострижеся месяца ноября в 14 день, на святого апостола Филипа. Тои же нощи и преставися; и везоша его в Володимир, и положен бысть в монастыри в церкви святыя Богородица Рожества <...>. А даи, Господи милосердыи, видети ему лице твое в будущии век со всеми угодившими, сице же и за Новгород, и за всю Рускую землю живот свои отдавая».

1264 год — «Выгнаша новгородци князя Дмитрия Александровича из Новгорода, сдумавше с посадником Михаилом, зане князь их еще мал бяше; а по Ярослава послаша, по брат Александров, в Тферь сын посаднич и лучышии бояри».

1265 год — «Посадиша в Новегороде на столе князя Ярослава Ярославлица месяца генваря в 27, на святого Иоанна Залтоустаго <...>. Тогда же вбегоша Литвы в Плесков с 300 с женами и с детми, и крести их князь Святослав с попы плесковскими, а новгородци хотеша их изсеци, но не вда их князь Ярослав, и не избиени быша».

1266 год — «Посадиша плесковици у себя князя Довмонта литовьскаго <...>. Того же лета прииде князь Ярослав с полкы своими в Новгород, хотя ити на Плесков на князя Домонта; и новгородци же взбраниша ему».

Эра «коммуналки»

о второй половине XIII века в городском хозяйстве Новгорода происходят разительные перемены, неоднократно отмеченные археологами в разных частях города. По каким-то причинам существенно меняется практика замены ветхих уличных мостовых: вместо полной разборки старого настила его оставляют в качестве подкладки под новую мостовую. Но еще более важным новшеством в «коммунальном хозяйстве» Новгорода XIII века становятся дренажные системы, древнейшие из которых были исследованы в 1990-х годах на Троицком раскопе.